

ДЖОН ЛЬЮИС ГЭДДИС

О БОЛЬШОЙ СТРАТЕГИИ

Джон Льюис Гэддис О большой стратегии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63575558

*О большой стратегии:
ISBN 978-5-93255-588-0*

Аннотация

Джон Льюис Гэддис, известный американский историк и автор книги «Холодная война», удостоившейся самых положительных критических отзывов, уже почти два десятилетия ведет вместе со своими коллегами Чарльзом Хиллом и Полом Кеннеди семинар по большой стратегии в Йельском университете. В своей новой работе Гэддис рассказывает о том, чему он научился за эти годы, высказывая глубокие и остроумные мысли.

На огромном историческом интервале от античности до Второй мировой войны Гэддис анализирует теорию и практику большой стратегии на примерах Геродота, Фукидида, Сунь-цзы, Октавиана Августа, Августина Блаженного, Макиавелли, Елизаветы I, Филиппа II, отцов-основателей США, Клаузевица, Толстого, Линкольна, Вильсона, Франклина Д. Рузвельта и Исаяи Берлина.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	11
Глава 2	54
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Джон Льюис Гэддис О большой стратегии

Посвящается

*Николасу Брейди (выпуск 1952 года), Чарльзу
Джонсону (выпуск 1954 года) и Генри («Сэму»)
Чонси-младшему (выпуск 1957 года) – большим
стратегам*

ON GRAND STRATEGY

Copyright © 2018, John Lewis Gaddis

All rights reserved

© Издательство Института Гайдара, 2021

Предисловие

Я понимаю, что название книги может вызвать у многих недоумение. Тем не менее тут есть прецеденты: я могу, например, вспомнить «О тирании», книгу, написанную Тимоти Снайдером, моим коллегой с исторического факультета Йельского университета. А Сенека, еще задолго до него, написал книгу «О скоротечности жизни». Но больше всего меня смущают возможные возражения поклонников Карла фон Клаузевица, к числу которых отношусь и я сам. Его труд «О войне», опубликованный посмертно (1832), стал образцом для всех позднейших авторов, пишущих на тему войны и связанную с ней необходимым образом тему большой стратегии. Оправдать появление еще одной подобной книги я могу лишь ее краткостью (которая, кстати, *не была* сильной стороной Клаузевица: эта книга охватывает гораздо больший исторический промежуток, чем его труд, и при этом она вдвое меньше труда Клаузевица).

Книга выросла после двух случаев, когда мне довелось столкнуться с вопросами большой стратегии. Впервые это произошло, когда я вел курс «Стратегия и политика» в Военно-морском колледже с 1975 года по 1977 год при обстоятельствах, описанных в конце второй главы. Во второй раз это случилось в 2002 году, когда меня пригласили участвовать в качестве преподавателя в семинаре Йельского универ-

ситета «Вопросы большой стратегии», где я продолжаю работать по сей день. Оба курса всегда строились не столько на изучении теории, сколько на классических текстах и разборе исторических примеров. Но если семинары в Ньюпорте, длившиеся один семестр, были предназначены в основном для офицеров, которые уже имели за плечами более десяти лет службы, то на курс в Йельском университете, который длился два семестра, записывались главным образом студенты-бакалавры и магистранты, хотя среди слушателей были также один подполковник Сухопутных войск США и один подполковник Корпуса морской пехоты, находившиеся на действительной военной службе¹.

Оба курса преподавались и продолжают преподаваться на коллегиальной основе: каждый из тематических разделов семинара в Ньюпорте обычно ведут один гражданский и один военный преподаватель; в Йельском университете состав преподавателей может быть разным. Мы с моими коллегами Чарльзом Хиллом и Полом Кеннеди с самого начала работали «тройкой» и вели все занятия вместе, споря друг с другом перед студентами и давая им индивидуальные консультации (не всегда согласованные друг с другом). При этом

¹ См. программы курса «Стратегия и политика» Военно-морского колледжа по адресу: www.usnwc.edu/Faculty-and-Departments/Academic-Departments/Strategy-and-Policy-Department. Программа курса Йельского университета размещена по адресу www.grandstrategy.yale.edu/background; см. также: Linda Kulman, *Teaching Common Sense: The Grand Strategy Program at Yale University* (Westport, Connecticut: Prospecta Press, 2016).

мы умудряемся оставаться соседями и близкими друзьями.

Учреждение в 2006 году программы «Большая стратегия» позволило нам включить в число преподавателей специалистов-практиков: среди них были Дэвид Брукс, Уолтер Рассел Мид, Джон Негропonte, Пегги Нунан, Виктория Нунланд, Пол Солман, Джейк Салливен и Ивен Волфсон. К работе над курсом привлекались и другие преподаватели Йельского университета: Скотт Бурман (факультет социологии), Элизабет Брэдли (до 2016 года – школа изучения проблем здравоохранения, в 2016–2017 годах – директор программы «Большая стратегия», в настоящее время – президент колледжа Вассар), Беверли Гейдж (исторический факультет, с 2017 года – директор программы «Большая стратегия»), Брайан Гарстен (факультет политологии, гуманитарный факультет), Нуно Монтейро (факультет политологии), Кристина Талберт-Слэгл (исследования в области эпидемиологии и здравоохранения) и Адам Туз (ранее – исторический факультет, ныне – профессор Колумбийского университета).

Коллеги научили меня очень многому, и это еще одна из причин, почему я чувствую себя обязанным рассказать, чему именно я у них научился. Это происходило неформально, через восприятие их основных идей, и вполне самобытно, так что мои учителя не несут никакой ответственности за результаты: они лишь дали первый толчок моему движению по этому пути и уже не могли влиять на него в дальнейшем. Ища «сквозные» закономерности, сохраняющие свое

действие независимо от времени, пространства и масштаба², я чувствовал себя вправе временно «снимать» их ограничения для целей сравнительного анализа и даже простой беседы: в книге Августин может иногда разговаривать с Макиавелли, а Клаузевиц с Толстым. Последний, в свою очередь, был настоящим *мастером воображения*, который дал мне больше всех; но мне также немало помогли Вергилий, Шекспир и Ф. Скотт Фицджеральд. Наконец, я часто возвращался к идеям сэра Исаяи Берлина³, с которым я познакомился, когда бывал в Оксфорде в 1992–1993 годах. Надеюсь, что ему было бы приятно, что его считают мастером большой стратегии. Знаю, что он нашел бы это забавным.

Мой литературный агент Эндрю Уайли и мой редактор Скотт Мойерс больше верили в эту книгу, чем я сам, когда начал ее писать. Вновь работать с ними было для меня большим удовольствием, как и еще раз воспользоваться помощью всей группы блестящих профессионалов издательства Penguin: Энн Годофф, Кристофера Ричардса, Мии Каунсил,

² Некоторые из читателей могут подумать, что я забыл о холодной войне. Это не так: я просто уже достаточно много высказывался на эту тему раньше. Из более поздних публикаций см. переработанное издание моей книги *Strategies of Containment* (New York: Oxford University Press, 2005), а также мою статью: John Lewis Gaddis, “Grand Strategies in the Cold War,” in Melvyn P. Leffler and Odd Arne Westad, *The Cambridge History of the Cold War* (New York: Cambridge University Press, 2010), vol. 2, p. 1–21.

³ Я особенно признателен бывшему декану Юридической школы Йельского университета Энтони Кронману за его идеи о значении всех этих авторов для теории большой стратегии. *Глава 1*

Мэтью Бойда, Брюса Гиффордса, Деборы Вейс Гелин и Юлианы Киан.

Я особенно признателен студентам Йельского университета, посетившим мой семинар «„Лисы“ и „ежи“» осенью 2017 года, которые устроили жесткий и трезвый тест-драйв каждой главе этой книги: Моргану Агиар-Лукандеру, Патрику Байндеру, Роберту Бринкману, Алессандро Буратти, Диего Фернандесу-Пагесу, Роберту Хендерсону, Скотту Хиксу, Джеку Хильдеру, Генри Айсеману, Индии Джун, Деклану Кункелю, Бену Маллету, Александеру Петрилло, Маршаллу Ранкину, Николасу Релига, Гранту Ричардсону, Картеру Скотту, Саре Сеймур, Дэвиду Шаймеру и Джареду Смиту. Мне также помогали студенты, ведущие свои научные проекты: Купер Д'Агостино, Мэтью Ллойд-Томас, Дэвид Маккуллох III, Кэмпбелл Шнебли-Свансон и Натаниэл Зелински.

Президенты Йельского университета Ричард Левин и Питер Салови с самого начала активно поддержали идею преподавания большой стратегии. То же самое касается их специального помощника и одного из первых слушателей семинара Теда Виттенстайна. Нам помогли удержать верный курс заместители директоров Сектора изучения проблем международной безопасности и Программы «Большая стратегия»: Уилл Хичкок, Тэд Бромунд, покойный Минь Луонг, Джеффри Манкофф, Райан Ирвин, Аманда Бем, Джереми Фридман, Кристофер Миллер, Эван Уилсон и Иэн Джонсон, а

также сотрудники, работающие в университетском конференц-центре на Хилхауз, 31 – Лиз Вастакис, Катлин Гало, Майк Сконечны и Игорь Бирюков. Моя жена Тони Дорфман – преподаватель, ученый, наставник молодежи, актриса, сценарист, режиссер театральных постановок и опер барокко, литературный и выпускающий редактор, отменный кулинар, ночной психотерапевт и любовь всей моей жизни, которая уже двадцать (!) лет помогает мне сохранять физическое и душевное здоровье.

Я посвятил эту книгу Николасу Брейди и Чарльзу Джонсону, двум выдающимся благотворителям программы «Большая стратегия», а также Генри Чонси-младшему, ее мудрому координатору: их кругозор, щедрость и всегда ценные советы – не в последнюю очередь их совет «учить людей здравому смыслу» – были нашим якорем и компасом, да и самим кораблем, на котором мы плывем.

Дж. Л. Г.

Нью-Хейвен, Коннектикут

Осень 2017 года

Глава 1

Переход через Геллеспонт

Время: 480 год до н. э. Место: Абидос, город на азиатском берегу Геллеспонта, где пролив сужается и составляет чуть больше полутора километров в ширину. Сцена достойна Голливуда в его лучшие дни. Ксеркс, царь царей Персии, как сообщает нам историк Геродот, восходит на трон, установленный на холме, откуда он может обозревать свое полуторамиллионное войско. Будь там даже десятая часть от указанного количества, что, видимо, более соответствует действительности, эта армия по размеру примерно равнялась бы силам Эйзенхауэра в «День Д» в 1944 году. Моста через Геллеспонт не существует и сегодня, но у Ксеркса их было два: один опирался на триста шестьдесят, другой – на триста четырнадцать связанных вместе кораблей; оба моста были дугообразными: это должно было компенсировать действие ветра и течений. Дело в том, что самый первый мост был уничтожен штормом, и разгневанный царь велел отрубить головы его строителям, а сами воды высечь и заклеить. Считается, что где-то на дне пролива до сих пор лежат железные оковы, которые царь приказал бросить в воду, чтобы расквитаться со стихией.

В этот день, однако, воды спокойны и Ксеркс доволен. Но

вдруг в его глазах появляются слезы. Артабан, его дядя и советник, спрашивает, что с ним. «Посмотри на все эти тысячи людей, – отвечает царь, – ведь через сто лет никого из них уже не будет в живых»⁴. Артабан утешает своего господина, напоминая ему обо всех невзгодах, что делают жизнь невыносимой, а смерть – желанным избавлением. Ксеркс соглашается с этим, но все же требует, чтобы Артабан сказал ему как на духу: поддержал ли бы он задуманное предприятие – второе персидское вторжение в Грецию за десять лет, – если бы они оба не увидели один и тот же страшный сон? Теперь уже задрожал Артабан: «Меня до сих пор переполняет ужас».

После того как Артабан отговорил Ксеркса мстить грекам за поражение Дария, отца Ксеркса, при Марафоне десятью годами ранее, этот сон посещал Ксеркса дважды. Как будто предвосхищая «Гамлета» – тот появится только спустя два тысячелетия, – призрак царственного вида, явившийся ему и разговаривавший с ним как отец, поставил ему ультиматум: «Если ты сейчас же не начнешь свою войну, то так же быстро, как ты достиг величия и могущества, их утратишь». Сначала Артабан посмеялся над этим рассказом и отказался принимать его всерьез, но Ксеркс заставил его поменяться с ним одеждой и лечь спать на царском ложе. Призрак явился

⁴ Цитаты из Геродота без указания переводчика приводятся в переводе с английского, поскольку существующие русские переводы с древнегреческого соответствующих мест сильно расходятся с английским текстом у Гэддиса. – *Прим. перев.*

снова и привел Артабана в такой ужас, что он проснулся с громким криком и немедленно начал призывать царя к новому походу. После этого Ксеркс отдал необходимые распоряжения. В Сардах было собрано огромное войско, на развалинах Трои принесена в жертву тысяча коров, и когда армия уже стояла перед готовыми мостами у Геллеспонта и готовилась к переправе, царь дал своему дяде последний шанс высказать свои сомнения, если таковые еще оставались.

Несмотря на виденный кошмар Артабан не может сдержаться. Враги, ожидающие впереди, предупреждает он, – это не только греки, какими бы грозными противниками они ни были. Это сами суша и море. Нужно будет пройти по землям, омываемым Эгейским морем, которые не могут прокормить столь многочисленную армию. В шторм негде будет укрыть корабли, ибо гаваней недостаточно. Измождение и даже голод могут наступить еще раньше, чем доведется провести хотя бы одно сражение. Благоразумный полководец «страшится и обдумывает все, что может с ним случиться, но, когда приходит время действовать, проявляет мужество». Ксеркс терпеливо слушает, но возражает, что «если взвешивать все обстоятельства, никогда ничего не совершишь. Лучше быть отважным и преодолевать половину того, что нас пугает, нежели [просчитывать] все угрозы и избегать всех последствий. Без больших опасностей не бывает больших побед».

Дело решено. Ксеркс отправляет Артабана обратно управ-

лять империей, а сам устремляет свои помыслы к удвоению ее размеров. Он молит солнце дать ему сил завоевать не только Грецию, но и всю Европу. Он велит разбросать миртовые ветви перед мостами. Он приказывает своим жрецам воскурить фимиам. Он также уболаговоряет возлиянием Геллеспонт: выливает в его воды вино и затем бросает туда золотой кубок, в который оно было налито, золотую чашу, в которой его смешивали, и меч. Теперь можно было начинать переход, который занял семь дней и семь ночей. Когда на европейском берегу пролива оказывается сам Ксеркс, он слышит слова какого-то грека, в ужасе вопрошающего, зачем Зевс принял обличье персидского монарха и привел с собой «всех людей мира». Разве не мог он уничтожить Грецию сам?⁵

I

Две тысячи четыреста девятнадцать лет спустя один оксфордский профессор отвлекся от своих занятий, чтобы отправиться на вечеринку. Исайя Берлин, которому в то время было тридцать лет, родился в Риге, вырос в Санкт-Петербурге и, став в восьмилетнем возрасте свидетелем больше-

⁵ Herodotus, *The History*, Book VII: 1–56. Я использовал перевод Дэвида Грина: Herodotus, *The History*. Translated by David Grene (Chicago: University of Chicago Press, 1987), p. 466–490. Из недавних работ о Геродоте см.: Robert Kaplan, “A Historian For Our Time,” *The Atlantic*, January, 2007.

вистской революции, уехал вместе с родителями в Англию. Там он вполне преуспел, овладел новым языком, хотя так и не избавился от акцента, блестяще сдал экзамены в Оксфорд и стал первым в истории евреем, избранным в члены ученого совета Колледжа всех душ. К 1939 году он преподавал философию в Новом колледже (основанном в 1379 году), постепенно становясь убежденным противником логического позитивизма (согласно которому ничто не имеет значения без воспроизводимой верификации) и всю жизнь наслаждаясь жизнью.

Берлин был искрометным собеседником, который впитывал новые идеи как губка и не упускал возможности блеснуть в обществе и узнать что-то новенькое. На этой вечеринке, точная дата которой неизвестна, он встретился с Джулианом Эдвардом Джорджем Аскуитом, вторым графом Оксфордом и Аскуитом, который заканчивал тогда курс античной филологии в Бейлиол-колледж. Лорду Оксфорду попалась любопытная строчка древнегреческого поэта Архилоха Паросского. Звучала она, как запомнил ее Берлин, так: «Лис знает много секретов, а еж один, но самый главный»⁶.

⁶ Michael Ignatieff, *Isaiah Berlin: A Life* (New York: Metropolitan Books, 1998) – его лучшая биография. О вечеринке рассказано на р. 173, но см. также: Ramin Jahanbegloo, *Conversations with Isaiah Berlin*, 2nd ed. (London: Halban, 1992), р. 188–189, и Isaiah Berlin, *Enlightening: Letters 1946–1960*, edited by Henry Hardy and Jennifer Holmes (London, Pimlico, 2011), р. 31n. Возможный источник вдохновения также: С. М. Bowra, “The Fox and the Hedgehog,” *The Classical Quarterly*, 34 (January–April, 1940), 26–29.

Эти слова сохранились лишь как отрывок, их контекст был давно утрачен. Но они уже однажды привлекли внимание ученого эпохи Возрождения Эразма Роттердамского⁷, а теперь заинтересовали и Берлина. Может быть, они могли бы стать принципом классификации великих писателей? Если да, то Платон, Данте, Достоевский, Ницше и Пруст были бы «ежами». Аристотель, Шекспир, Гете, Пушкин и Джойс – конечно же, «лисами». «Лисой» был и сам Берлин, питавший недоверие к большинству «больших» теорий, вроде логического позитивизма, но чувствовавший себя уютно среди менее претенциозных идей⁸. С началом Второй мировой войны Берлин на время оставил своих зверей и не возвращался к ним до 1951 года, когда он использовал их как отправную точку в своем эссе о философии истории Толстого. Через два года оно вышло небольшой отдельной книгой «Ёж и лиса».

«Ежи», объясняет Берлин, «все и вся соотносят с некой ключевой точкой зрения», которая «придает смысл всему,

⁷ Краткая история этого афоризма изложена в последней книге Стивена Джей Гулда: Stephen Jay Gould, *The Hedgehog, the Fox, and the Magister's Pox: Mending the Gap between Science and the Humanities* (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2011), p. 1–8.

⁸ Isaiah Berlin, *The Hedgehog and the Fox*, edited by Henry Hardy (Princeton: Princeton University Press, 2013), p. 91. Я взял эту мысль, как и многие другие в этой главе, из эссе моего бывшего студента Джозефа Карлсмита, подготовленного в 2011 г. к семинару в Йельском университете «Исследования по большой стратегии»: Joseph Carlsmith, “The Bed, the Map, and the Butterfly: Isaiah Berlin’s Grand Strategy of Grand Strategy,” <http://berlin.wolf.ox.ac.uk/lists/onib/carlsmith.pdf>.

что они говорят и делают». «Лисы» же, напротив, способны «одновременно заниматься многими предметами, зачастую не имеющими друг к другу никакого касательства, а то и вовсе противоположными, связанными между собой разве что де-факто». Это различие просто, но не произвольно: оно задает «точку опоры для того, кто намерен наблюдать и сравнивать, отправной пункт для добросовестного исследования». Возможно, оно даже отражает «одно из глубочайших различий между писателями, мыслителями, а то и вообще между людьми».

Однако высказав эту яркую мысль, Берлин не смог многое объяснить с ее помощью, если не считать Толстого. Он утверждал, что этот великий человек стремился быть «ежом»: роман «Война и мир» должен был, по его мысли, раскрыть законы движения истории. Но Толстой был слишком честен, чтобы отрицать своеобразие личности и непредвиденные обстоятельства, которые противятся подобным обобщениям. Поэтому он наполнил свой шедевр едва ли не самыми «лисыными» пассажами во всей мировой литературе, зачаровывая ими читателей, спокойно пропускающих разбросанные по всей книге исторические рассуждения в «ежовом» стиле. Разрываемый противоречиями, к концу жизни Толстой – «отчаявшийся старик, которому никто не в состоянии помочь, поскольку он сам себе выколол глаза и бредет [подобно Эдипу] в Колон», – заключает Берлин⁹.

⁹ Berlin, *The Hedgehog and the Fox*, p. 2–3, 90; Исайя Берлин, «Еж и лиса», в Ис-

Если говорить о биографии Толстого, это было упрощением. Толстой действительно умер на никому не известной железнодорожной станции в 1910 году в возрасте 82 лет, уйдя из дома. Однако вряд ли им двигало отчаяние по поводу оставшихся десятки лет назад неувязок в «Войне и мире»¹⁰. Не очевидно также, чтобы Берлин упомянул Эдипа с какой-то более глубокой целью, а не просто ради эффектной и драматичной концовки для своего эссе. Пожалуй, слишком драматичной, поскольку она предполагала непреодолимые различия между «лисами» и «ежами». Берлин, казалось, говорил, что нужно быть или одним, или другим. Нельзя быть и тем и другим одновременно и при этом быть счастливым. Или эффективным. Или просто цельным.

Поэтому Берлин был удивлен – хотя, пожалуй, и доволен, как человек, удачно сыгравший озорную шутку, – когда популярность его зверушек стала лавинообразно расти, причем задолго до появления интернета. Их стали упоминать в журналах и книгах. Появились даже карикатуры, вообще не требовавшие объяснений¹¹. В университетских аудиториях профессора начали спрашивать у своих студентов: «Является ли X [речь могла идти о любой исторической личности или литературном персонаже] „лисой“ или „ежом“?» Студенты на-

ая Берлин, *История свободы. Россия* (Москва: Новое литературное обозрение, 2001), с. 183–184, 268.

¹⁰ A. N. Wilson, *Tolstoy: A Biography* (New York: Norton, 1988), p. 506–517.

¹¹ Berlin, *The Hedgehog and the Fox*, p. xv – xvi.

чали спрашивать у своих профессоров: «Что лучше [в этот или любой другой момент], быть „ежом“ или „лисой?“» И те и другие начали спрашивать самих себя: «К какому из этих полюсов должен стремиться я?» Затем: «*Смогу ли я там удержаться?*» И, наконец: «*И кто же я, в конце концов?*»

Благодаря оксфордской вечеринке, фрагменту из Архилоха и эпосу Толстого, Берлин нечаянно открыл два лучших приема, позволяющих оставить неизгладимый след в области мысли. Первый – выражаться в дельфийской манере – известен всем прорицателям с незапамятных времен. Второй – подражать Эзопу: сделай выразителями своих идей животных – и они станут бессмертными.

II

Геродот, живший с 480-х по 420-е годы до н. э., мог слышать о «лисах» и «ежах» Архилоха (680–645 годы до н. э.). Он цитировал поэта в другом контексте и, таким образом, мог знать его стихотворение – если оно сохранилось к тому времени, – в котором «лисы» и «ежи» впервые появились¹². Даже если это и не так, трудно читать повествование Геродота об Артабане и Ксерксе, не чувствуя в советнике беспокойную «лису», а в монархе – самоуверенного «ежа».

Артабан говорит о цене, которую приходится платить –

¹² Herodotus, I: 12, p. 38.

в виде огромных усилий, нехватки еды, нарушения коммуникации, падения боевого духа и всего остального, что может пойти не так, – при перемещении любой большой армии через любое пространство на воде или на суше. Для достижения успеха нужно идти на слишком большие риски. Разве Ксеркс не понимает, что «бог разит молнией» только тех, кто замахивается на большие дела, в то время как малые начинания не вызывают его раздражения? Артабан призывает Ксеркса разобрать мосты, распустить армии и отправить всех домой, где худшее, что их может ждать, – это новые страшные сны.

Ксеркс, оплакивающий тех, кого не будет в живых через сто лет, мыслит шире и дальше. Если смерть – цена жизни, то почему же не заплатить меньшую цену за то, что сделает жизнь достойной памяти? Зачем быть царем царей, если тебя забудут? Укротив Геллеспонт, он уже не может остановиться. Мосты должны куда-то вести. Великие армии имеют с собой все необходимое, чтобы ничего не могло пойти «не так», а если это все же случится, чтобы это не имело значения. «Нас ведет бог, поэтому, когда мы сами начинаем наши многообразные предприятия, нас ждет успех»¹³.

Артабан придает значение внешним условиям, зная, что ландшафт может помочь армии или создать для нее трудности, что флот никогда полностью не контролирует море, по

¹³ Ibid., VII: 8, 10, p. 469, 472. См. также: Tom Holland, *Persian Fire: The First World Empire and the Battle for the West* (New York: Doubleday, 2005), p. 238.

которому идет, и что предсказать погоду не в состоянии ни один смертный. Полководцы должны различать ситуации, в которых они могут действовать, и обстоятельства, которые они должны принимать, полагаясь только на то искусство, которое допускается обстоятельствами. Ксеркс же *преображает* внешние условия вокруг себя. Он обращает воду в почву (более или менее твердую), наводя мосты через Геллеспонт. Он обращает твердую землю в воду, прорывая канал через полуостров Афон – из «чистой гордыни», говорит нам Геродот, – чтобы его кораблям не приходилось огибать его¹⁴. Царя не волнует, какие обстоятельства он должен принять: он готов сровнять с землей любое препятствие на своем пути. И доверяет он только божественной деснице, наделившей его такой властью.

Близорукий Артабан видит прямо перед собой столько вещей, что его врагом становится само их многообразие. Дальнорукый Ксеркс видит только дальнюю перспективу, где устремления совпадают с возможностями: такая простота – это прожектор, который освещает ему путь. Артабан постоянно меняет свое мнение. Цель его поворотов и зигзагов, как и у Одиссея, – привести его домой. Ксеркс, пересекая Геллеспонт, становится Ахиллом. Его единственным домом станут будущие повествования о совершенных им деяниях¹⁵.

¹⁴ Herodotus, VII: 8, 22–24, p. 469, 478–79; Holland, *Persian Fire*, p. 212–214.

¹⁵ Подробнее о различиях в стратегии Ахилла и Одиссея см.: Lawrence Freedman, *Strategy: A History* (New York: Oxford University Press, 2013), p. 22; Ло-

Так что у этой «лисы» и этого «ежа» нет никаких точек соприкосновения. Артабан, предостережения которого не услышаны, отправляется на восток от Абидоса и исчезает из книги Геродота, который его больше не упоминает. Ксеркс идет на запад, взяв с собой свою армию, свой флот и своего историка¹⁶, а также всех последующих летописцев персидского нашествия. Геллеспонт, граница между континентами, теперь также разделяет два образа мышления, которые предвосхитил Архилох, которые потом популяризирует Берлин и которые в конце XX века будут определены еще точнее благодаря новым достижениям социальных наук.

III

Задавшись целью понять, чем определяется точность наших прогнозов, Филип Тетлок, американский исследователь в области политической психологии, собрал вместе со своими помощниками 27 451 прогноз по вопросам международной политики за период с 1988 по 2003 год, данный 284 «экспертами»: сотрудниками университетов, государственных учреждений, исследовательских центров, международных организаций и СМИ. Книга Тетлока «Экспертное

уренс Фридман, *Стратегия: Война, революция, бизнес* (Москва: Кучково Поле, 2017), с. 34.

¹⁶ Конечно, не буквально. Хотя Геродот тогда уже родился, он был еще ребенком.

политическое суждение», вышедшая в 2005 году и полная таблиц, графиков и уравнений, содержит результаты этого самого обстоятельного из когда-либо проводившихся исследований о том, почему одним людям удается предсказывать будущее, а другим – нет.

«*Кто* были эксперты – их профессиональный опыт, статус и т. д., – едва ли хоть на йоту меняло результаты, – делает вывод Тетлок. – Как и то, *что* они думали, – были они либералами или консерваторами, реалистами или институционалистами, оптимистами или пессимистами». Но то, «*как* думали эксперты – их стиль мышления, – имело значение». Важнейшей переменной оказалась самоидентификация в качестве «лисы» или «ежей», когда экспертов ознакомили с определениями этих терминов, по Берлину. Результаты были однозначны: «лисы» оказались намного более искусными предсказателями событий, чем «ежи», чьи прогнозы были близки к результатам шимпанзе, играющего в дартс.

Пораженный этими результатами, Тетлок попытался выяснить, чем отличались его «лисы» от его «ежей». «Лисы» опирались в своих прогнозах на интуитивное «совмещение разнообразных источников информации», а не на выводы, полученные на основе каких-то «основополагающих схем». Они сомневались в том, что «туманный предмет политики» когда-либо мог бы стать «объектом точной науки». Лучшим из них было «свойственно рассуждать с самоиронией», «не принимая ни одну мысль без критики». Однако они

обычно слишком умствовали (слишком тщательно обосновывая свои утверждения), чтобы удержать внимание аудитории. Ведущие ток-шоу редко приглашали их повторно. Люди, от которых что-то зависит, считали, что у них нет времени их выслушивать.

«Ежам» Тетлока, напротив, чужда была самоирония, и они отметали всякую критику. Агрессивно используя широкие формулировки, они «в нетерпении щетинились на тех, кто „не сечет“». Когда вырытые ими интеллектуальные ямы становились слишком глубокими, они просто-напросто рыли глубже. Они становились «пленниками своих предубеждений» и своего самодовольства. Их громкие и яркие заявления хорошо было цитировать, но имели мало общего с тем, что происходило потом.

На основе всего этого Тетлок вывел «теорию правильных суждений», согласно которой «самокритичные мыслители лучше понимают противоречивую динамику развивающихся ситуаций, более осторожны в оценке собственных прогностических способностей, лучше помнят свои ошибки, менее склонны к их оправданию, более расположены к своевременному пересмотру своих представлений и – благодаря всем этим положительным качествам – имеют больше шансов реалистично оценивать вероятность будущих событий»¹⁷. Ины-

¹⁷ Philip E. Tetlock, *Expert Political Judgment: How Good Is It? How Can We Know?* (Princeton: Princeton University Press, 2005), особенно pp. xi, 73–75, 118, 128–29. Выводы, сделанные Тетлоком, популярно изложены в Dan Gardner, *Future Babble: Why Expert Predictions Are Next to Worthless, and You Can Do Better* (New York:

ми словами, у «лис» получается лучше.

IV

Критерием хорошей теории является ее способность объяснять прошлое – ведь только при этом условии мы можем доверять ее возможным выводам о будущем. Однако «прошлое» Тетлока составляло полтора десятилетия, в течение которых он проводил свой эксперимент. Геродот нам дает возможность применить заключения Тетлока – правда, без такого аккуратного учета ограничивающих условий – к эпохе, весьма далекой от нашей. Несмотря на расстояние, они на удивление хорошо работают.

Переправившись через Геллеспонт, Ксеркс начал свое продвижение, уверенный в том, что размеры его армии и великолепие его свиты сделают сопротивление бесполезным: «даже если бы все греки и, более того, все люди, живущие в западных странах, собрались вместе, они не смогли бы сразиться со мной». Пока Ксеркс двигался через Фракию, Македонию и Фессалию, все вроде бы шло по плану, хотя продвижение неизбежно было очень медленным.

Его армия была столь велика, что выпивала целые реки и озера до того, как все ее части переправлялись на другой бе-

Dutton, 2011). Тетлок и Гарднер, в свою очередь, совместно написали следующую работу – *Superforecasting: The Art and Science of Prediction* (New York: Crown, 2015).

рег. Львы (все еще многочисленные в этой местности) распробовали верблюдов, на которых везли припасы. И даже покладистые греки были просто не в состоянии удовлетворить кулинарные запросы Ксеркса: один из них принес благодарность богам за то, что царь обедает лишь один раз в день, потому что, если бы от его города потребовали обеспечить столь же обильный завтрак, как и обед, который требовал Ксеркс, его жителям осталось бы или бежать, или быть «стертыми в пыль, испытав то, что еще не выпадало на долю ни одного народа на земле»¹⁸.

Ксерксу также было не под силу и выровнять весь рельеф. Чтобы попасть в Аттику, персам нужно было пройти через узкий Фермопильский проход, и именно там спартанцы Леонида – намного меньший по численности и наскоро собранный отряд – задержали его армию на несколько дней. Ни сам Леонид, ни его элитные «триста спартанцев» не спаслись, но их отказ сдаться показал, что Ксеркс уже не мог добиваться задуманного одним устрашением. Тем временем шторма, поднявшиеся в конце лета на Эгейском море, утюжили корабли его флота, пока афиняне, выполняя приказ полководца Фемистокла, эвакуировали город. Это поставило Ксеркса перед той же дилеммой, перед которой оказался Наполеон в Москве в 1812 году: что делать, если ты, захватив город, нашел его уже брошенным, да еще накануне зимы?

Царь царей, действуя в своем стиле, применил новые ме-

¹⁸ Herodotus, VII:101, 108–26, p. 502, 505–10.

ры устрашения. Он сжег Акрополь, а затем водрузил еще один трон еще на одном холме с видом на еще одно водное пространство и приготовился наблюдать за тем, как остатки его флота довершат его триумф. Конечно, дым, поднимающийся от самого священного храма Афин, не добавлял боевого настроения афинским гребцам. Но это был пролив у острова Саламина, команды трирем были хорошо обучены, а дельфийский оракул обещал афинянам безопасность за «деревянными стенами», и, наверное, он имел в виду именно те стены, что умеют плавать. И на глазах у Ксеркса греки пустили на дно его флот и перебили уцелевших воинов – которых в любом случае не научили плавать. Теперь у царя не было выбора, и он вынужден был с большим опозданием последовать совету своего дяди и возвратиться домой¹⁹.

Фемистокл ускорил отступление царя, распространив слухи о том, что следующая цель афинян – это мосты через Геллеспонт. Испуганный Ксеркс поспешил форсировать пролив в обратном направлении, бросив свои деморализованные армии на произвол судьбы. Потом греки разгромили персов при Платеях, но еще одно возмездие находчиво поручили драматургу. В трагедии Эсхила «Персы», впервые поставленной через восемь лет после битвы при Саламине, Ксеркс, в изорванной одежде, едва волоча ноги, является в

¹⁹ John R. Hale, *Lords of the Sea: The Epic Story of the Athenian Navy and the Birth of Democracy* (New York: Penguin, 2009), p. 36–39, 55–74; Barry Strauss, *The Battle of Salamis: The Naval Encounter That Saved Greece – and Western Civilization* (New York: Simon and Schuster, 2005).

собственную столицу под горестные стенания тех самых жителей, что прежде бурно славили его, и слышит слова призрака Дария, уже пристыженного ранее: «Не заносись, смертный, не к лицу тебе»²⁰.

Геродот использовал пьесу Эсхила в своей «Истории»²¹. Может быть, он опирался на него и тогда, когда писал о снах Ксеркса (в которых ему является если не призрак, то по крайней мере дух Дария), которые вообще побудили его идти к Геллеспонту? Мы не можем знать это наверняка: духи – весьма туманная материя. И все же забавно вообразить себе, как эта тень, чьей бы она ни была, воспользовалась своими сверхъестественными способностями, чтобы заглянуть в будущее и услышать, а затем вернуться и передать безутешному царю царей предостережение профессора Тетлока о том, как часто «лисы» оказываются правы, а «ежи» остаются в дураках.

²⁰ Aeschylus, *The Persians*, lines 819–20, Seth G. Benardete translation (Seth G. Benardete) (Chicago: University of Chicago Press, 1956), p. 77; Эсхил, “Персы”, в Эсхил, *Трагедии*, перевод С. К. Апта (Москва: Искусство, 1978), строка 820. О слухе, пушенном Фемистоклом, см.: Plutarch, *Lives of the Noble Grecians and Romans*, translated by John Dryden (New York: Modern Library, 1992), p. 144; Плутарх, *Сравнительные жизнеописания в 3-х т.*, т. 1, перевод С. П. Маркиша (Москва: Издательство АН СССР, 1961), с. 157.

²¹ Victor Parker, “Herodotus’ Use of Aeschylus’ *Persae* as a Source for the Battle of Salamis,” *Symbolae Osloenses: Norwegian Journal of Greek and Latin Studies*, 82:1, 2–29.

V

Вторжение Ксеркса в Грецию – это ранний, но очень наглядный исторический пример «ежового» поведения. Быть царем царей что-нибудь да значило: если Ксеркс смог собрать величайшую в истории армию, обратив воду Геллеспонта в твердь, а сушу на полуострове Афон в воду, то было ли вообще на свете что-то, что было бы ему не под силу? Почему бы после покорения Греции не захватить всю Европу? Почему бы даже, как он спросил себя однажды, не построить «Персидскую империю до самого Зевсова неба»?²²

Но Ксерксу не удалось, как это обычно случается с «ежами», правильно соотносить цели и средства. Поскольку цели существуют лишь в воображении, они могут быть бесконечно разнообразны: почему бы, например, не водрузить трон с прекрасным видом на Землю прямо на Луне? Средства же до обидного конечны: это реальные войска на суше, корабли на море и матросы для этих кораблей. Чтобы чего-то добиться, нужно соединять цели со средствами. Но их никогда нельзя путать.

Ксеркс считал, что его возможности могут быть ограничены только его устремлениями. Он надеялся на лучшее, полагая, что оно же будет и худшим. Он жил только настоя-

²² Herodotus, VII: 8, p. 469.

щим, отрезая себя от прошлого, где живет опыт, и от будущего, где прячутся неожиданности²³. Если бы Ксеркс улавливал эти различия, он бы понял, что его армия и флот просто-напросто не могли доставить все необходимое даже для того, чтобы только начать его вторжение в Грецию. Если бы царь не сумел уговорить тех, кого он завоевывал, снабжать его армию (что было непросто), его войско скоро начало бы страдать от голода, жажды или усталости (даже если бы его самого это не коснулось). Соппротивление немногих, как при Фермопилах, поколебало бы уверенность многих. К тому же близилась зима.

Но и в том, чтобы следовать советам «лисы» Артабана, были свои риски. Он мог предупредить Ксеркса, что ожидает его на другом берегу Геллеспонта: выпиваемых реках, голодных львах, внезапных штормах, озлобленных местных жителей, неистовых бойцах, загадочных предсказаниях, яростных гребцах и тех, кто утонет, не умея плавать: поскольку причины всего этого были постижимы, их следствия были предсказуемы. Но только о частностях, поскольку даже самый внимательный наблюдатель не может предвидеть, как они повлияют на ситуацию *в совокупности*. Действуя совместно, малые вещи могут давать непредсказуемо большие результаты – и все же лидеры не могут позволить неопреде-

²³ Это хорошо видно из свежих примеров, которые приводятся в: Victor Davis Hanson, *The Savior Generals: How Five Great Commanders Saved Wars That Were Lost – from Ancient Greece to Iraq* (New York: Bloomsbury Press, 2013), p. 11.

ленности парализовать себя. Они должны казаться знающими, что делают, даже если это не так.

Ксеркс довел этот принцип до беспощадной крайности. Когда лидиец Пифий дал царю все войско и всю казну, которые тот потребовал для своего похода, кроме своего старшего сына, которого просил оставить при нем, Ксеркс нашел незабываемый способ продемонстрировать твердость своих намерений: он велел рассечь юношу пополам, а затем приказал своей армии пройти между окровавленными половинами его тела²⁴. Это не оставило сомнений касательно решимости Ксеркса, но эта (в буквальном смысле слова) красная черта отрезала ему путь обратно. Теперь он едва ли смог бы передумать, даже если бы захотел.

Трагедия Ксеркса и Артабана заключалась в том, что каждому из них не хватало качеств другого. Царь, подобно «ежам» Тетлока, способен был держать внимание слушателей, но то и дело попадал в ямы. Его советник, подобно «лисам» Тетлока, обходил ямы, но не мог удержать аудиторию. Ксеркс был прав. Стремясь предвидеть все, рискуешь не достичь ничего. Но прав был и Артабан. Если ты не подготовился ко всему, что может случиться, что-то из этого всего обязательно случится.

²⁴ Herodotus, VII: 38–39, p. 483–84.

VI

Ни Ксеркс, ни Артабан, таким образом, не прошли бы тест на «первоклассный ум», который Ф. Скотт Фицджеральд определил в 1936 году как «способность одновременно удерживать в сознании две прямо противоположные идеи и при этом не терять другой способности – действовать»²⁵. Возможно, что в этих словах Фицджеральда не было ничего, кроме упрека, адресованного самому себе. Его писательская карьера к этому времени была уже на закате, а через четыре года он умер от алкоголизма, болезни сердца и горечи забвения, которое было еще мучительнее из-за былой славы. Ему было всего 44 года²⁶. Но таинственная многозначность этого афоризма, как и афоризма Берлина о «лисах» и «ежах», сделала его бессмертным. Ему позавидовал бы сам дельфийский оракул²⁷.

Одна из возможных интерпретаций этой определенной Фицджеральдом оппозиции состоит в том, чтобы исполь-

²⁵ F. Scott Fitzgerald, “The Crack-Up,” *Esquire*, February, 1936; Фрэнсис Скотт Фицджеральд, “Крушение”, в Фрэнсис Скотт Фицджеральд, *Заметки о моем поколении* (Москва: КоЛибри, 2019), с. 228–234.

²⁶ Jeffrey Meyers, *Scott Fitzgerald: A Biography* (New York: HarperCollins, 1994), p. 261–65, 332–36.

²⁷ Мой коллега по Йелю Чарльз Хилл, который сам часто выступает в роли дельфийского оракула, любит цитировать этот афоризм на своих семинарах, никак не объясняя его озадаченным студентам.

зовать лучшие и отбрасывать худшие аспекты каждой из двух противоположностей, то есть искать именно тот компромисс, который не удался Ксерксу и Артабану двадцать четыре века назад. Но как это возможно? Легко понять, что два ума могут прийти к противоположным выводам, но как противоположности могут мирно уживаться в уме одного человека? Этого явно нельзя было сказать об уме самого Фицджеральда, прожившего такую же мучительную жизнь, как Толстой, но вдвое более краткую.

Лучший ответ на этот вопрос дал, как это ни парадоксально, Берлин, посвятивший значительную часть своей более продолжительной и счастливой жизни примирению конфликтов, существующих в отдельных умах. В мире, который предстает перед нами в обычном опыте, писал он, мы сталкиваемся с выбором между «конечными целями, претендующими на абсолютность, и, осуществляя одну из них, неизбежно жертвуем другой». Мы реже выбираем между явными альтернативами – например, добром и злом, и чаще – между одним и другим благом, которые мы не можем иметь одновременно. «Можно заботиться о спасении души, можно создавать великое и славное государство или ему служить, – писал Берлин, – но нельзя заниматься и тем и другим одновременно». Или, выражаясь языком, понятным любому ребенку, ты не можешь съесть все вкусняшки, полученные на Хэллоуин, чтобы тебя потом не стошнило.

Мы решаем эти дилеммы, растягивая их во времени. Мы

стремимся к одним целям сейчас, другие откладываем на потом, а третьи признаем недостижимыми. Мы выбираем, что чему соответствует, а потом решаем, чего и когда мы можем достичь. Это может быть непросто: Берлин подчеркивал «необходимость и мучительность выбора». Но если бы исчез выбор, добавлял он, вместе с ним исчезла бы и «свобода выбора», и, следовательно, свобода как таковая²⁸.

Как же тогда нам быть с утверждением Берлина в его эссе о Толстом, что «люди вообще» делятся на «лисы» и «ежей»? Должны ли мы определять себя как «лису» или «ежа», как Тетлок просил своих экспертов? Берлин признал, незадолго до смерти, что это необязательно. «Некоторые люди не являются ни „лисами“, ни „ежами“, а некоторые являются и тем, и другим». Он просто играл в «интеллектуальную игру». Остальные же восприняли это слишком серьезно²⁹.

Это объяснение имело смысл в общем контексте мысли Берлина, ибо о каком выборе могла бы идти речь, если бы

²⁸ Это упрощенное изложение трех замечательных эссе Берлина «Два понимания свободы» (1958), «Оригинальность Макиавелли» (1972) и «Стремление к идеалу» (1988): Isaiah Berlin, *The Proper Study of Mankind*, p. 10–11, 239, 294 and 302; Исайя Берлин, *Философия свободы. Европа* (Москва: Новое литературное обозрение, 2001), с. 180; Исайя Берлин, *Подлинная цель познания. Избранные эссе* (Москва: Канон+, 2002), с. 327. Но пример с ребенком и сладостями – мой.

²⁹ Jahanbegloo, *Conversations with Isaiah Berlin*, p. 188–189. См. также: Berlin, *The Hedgehog and the Fox*, p. 101, где приводится выдержка из интервью Михаила Игнатьева.

мы сидели, подобно животным, по клеткам³⁰ своих категорий (что делало бы наше поведение совершенно предсказуемым)? Если, как утверждал Фицджеральд, уму необходимо видеть противоположности, если свобода есть выбор, как считал Берлин, то приоритеты нельзя расставить заранее. Они должны отражать, кто мы есть, но вместе с тем и переживаемый нами опыт: мы могли бы знать заранее первое, но не всегда второе. Нам необходимо сочетать в пределах одного сознания (нашего собственного) свойственное «ежам» чувство направления и свойственную «лисам» восприимчивость к происходящему вокруг. Сохраняя при этом способность действовать.

VII

Но где – кроме как в переименованном названии произведения Джейн Остин – можно найти такое соединение «разума и чувствительности»? Она дает нам подсказку, ибо только повествование способно показать развитие дилеммы во времени. Недостаточно представить варианты выбора как срезы под микроскопом. Нам нужно видеть процесс изменения, и мы достигаем этого только воссоздавая прошлое в историях, биографиях, поэмах, пьесах, романах или фильмах. Лучшие из них делают изображение и более резким, и более туман-

³⁰ Или, как выразился однажды сам Берлин, «на прокрустовых ложах». Карлсмит развивает эту мысль в: Carlsmith, “The Bed, the Map, and the Butterfly”.

ным: они спрессовывают происходящее, чтобы яснее показать границу между научением и развлечением, и вместе с тем размывают ее. Другими словами, они представляют собой *драматизации*. А главное требование к драматизации – она не должна быть скучной.

Фильм Стивена Спилберга «Линкольн» (2012) – это один из лучших образцов драматизации. В фильме показано, как президент, которого играет Дэниел Дэй-Льюис, стремится реализовать положение Декларации независимости о том, что все люди созданы равными: можно ли найти более похвальную цель для «ежа»? Но для того, чтобы отменить рабство, Линкольну нужно провести тринадцатую поправку через упирающуюся палату представителей, и здесь он совершает самые что ни на есть «лисьи» маневры. Он прибегает к сделкам, взяткам, лести, выкручиванию рук и прямой лжи: зритель почти чувствует в зале запах табачного дыма, висящего во всех помещениях по ходу фильма³¹.

Когда Таддеус Стивенс (Томми Ли Джонс) спрашивает президента, как он может применять для достижения столь благородной цели столь низкие приемы, Линкольн рассказывает, чему научила его в юности работа землемера:

Компас прямо укажет тебе направление на север от того места, где ты стоишь, но ничего не скажет тебе о болотах, пустынях и ущельях, которые попадутся тебе

³¹ См. рецензию: Anthony Lane, “House Divided,” *The New Yorker*, November 19, 2012.

по пути. Если, стремясь достигнуть намеченной цели, ты бросишься прямо вперед, и в итоге просто увязнешь в болоте, то какой тебе был толк от того, что ты знал, где север³²?

Когда я смотрел этот фильм, у меня возникло странное чувство, будто рядом со мной сидит Берлин, который в конце этой сцены наклоняется ко мне и торжествующе шепчет: «Видишь? Линкольн знает, когда нужно быть „ежом“ (сверясь с компасом), а когда „лисой“ (обходя болото)!».

На самом деле Линкольн, насколько мне известно, никогда ничего такого не говорил, а Берлин, к сожалению, не видел фильма Спилберга. Но в сценарии Тони Кушнера мы видим фицджеральдовское соединение ума, противоположных идей и способности действовать: Линкольн одновременно держит в уме долгосрочные устремления и текущие задачи. Он увязывает «лис» и «ежей» Берлина с его же центральной идеей о неизбежности – и непредсказуемости – выбора: Линкольн не может знать заранее, какие сделки ему нужно будет заключить, пока он не увидит, какие результаты принесут предыдущие. В фильме снова и снова большое увязывается с малым: Линкольн понимает, что итоги голосования в палате и, следовательно, будущее рабства в Америке запросто могут зависеть от того, кто получит должность почтмейстера в какой-нибудь деревне.

Таким образом, в «Линкольне» Спилберга показаны и

³² IMDb (2012): www.imdb.com/title/tt0443272/quotes.

развернутые во времени действия (Берлин), и сосуществование противоположностей в пространстве (Фицджеральд), и смена масштаба (может быть, Толстой?). Ведь оба Линкольна – и изображенный в фильме, и реальный, интуитивно понимали то, что старался показать нам Толстой своей эпической драмой: все связано со всем. Может быть, именно поэтому великий писатель, редко видевший «величие» в лидерах, посмертно вознес хвалу убитому президенту³³.

VIII

Переходы от одного масштаба к другому в «Войне и мире» по-прежнему изумляют читателей. Толстой переносит нас во внутренний мир Наташи на ее первом балу, Пьера, оказавшегося на дуэли и оставшегося в живых, князя Болконского и графа Ростова, самого сурового и самого снисходительного из отцов в современной литературе. Но затем масштаб меняется («камера» Толстого «отъезжает») и вместо деталей личной жизни людей мы видим целые армии, проносящиеся через Европу; потом новое приближение – и в фокусе оказываются командующие ими императоры и офицеры; еще более крупный план – и мы видим портреты обычных солдат, которые жили, шагали строем и сражались в этих

³³ Словами Толстого завершается последний том объемного труда: Michael Burlingame, *Abraham Lincoln: A Life* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2008), p. 834.

армиях. После Бородино «камера» Толстого снова «отъезжает», показывая объятую пожаром Москву, затем приближается вновь, и мы видим людей, покидающих горящий город, и среди них – тяжело раненный князь Андрей, умирающий на руках у Наташи, которую он полюбил за три года и за сотню страниц до этого на ее первом балу.

Толстой словно говорит нам: смотрим ли мы на действительность сверху вниз или снизу вверх, на неопределенном количестве уровней существует бесконечное множество возможностей, и все они существуют одновременно. Некоторые из них предсказуемы, большинство – нет, и только и к их изображению может подступиться лишь драматизация, свободная от рабской зависимости от теорий и архивов, на которую обречены ученые³⁴. И все же обычным людям чаще всего удастся их уловить. В своем эссе о Толстом Берлин попытался объяснить, как это возможно:

История, и только история, только сумма конкретных событий, произошедших в определенном месте в определенное время, – сумма реального опыта реально существовавших людей в их отношении друг к другу и к трехмерному, эмпирически воспринимаемому физическому миру! Только здесь и следует искать строительный материал для настоящих ответов, которые понятны и без каких-то особенных

³⁴ Я заимствовал элементы этого и предыдущего абзацев из своей статьи: John Lewis Gaddis, “War, Peace, and Everything: Thoughts on Tolstoy,” *Clodynamics: The Journal of Theoretical and Mathematical History* 2 (2011), 40–51.

чувств или качеств, не свойственных обычным людям³⁵.

Это довольно замысловатый пассаж даже для Берлина, который редко считал простоту изложения достоинством. Но мне кажется, что здесь он говорит о восприимчивости к окружающему, для которой одинаково важны время, пространство и масштаб. Ее никогда не было у Ксеркса, несмотря на все старания Артабана. Толстой приблизился к ней, пусть только в романе. Но Линкольн – у которого не было своего Артабана и которому не довелось прочесть «Войну и мир» – каким-то образом, кажется, достиг ее, идя путем обычного здравого смысла, столь необычного среди великих лидеров.

IX

Под здравым смыслом я имею в виду ту легкость, которая в большинстве случаев позволяет нам справляться с трудностями. Мы обычно знаем, куда направляемся, но постоянно корректируем свой маршрут, чтобы обойти неожиданные препятствия, в том числе те, которые ставят у нас на пути другие, двигаясь к собственным целям. Мои студенты, например, умудряются, не отрываясь от электронных устройств, которые, кажется, уже приросли у них к ладоням или ушам, ловко избегать столкновений с фонарными стол-

³⁵ Berlin, *The Hedgehog and the Fox*, p. 12; Берлин, “Еж и лиса”, с. 194.

бами, испуганными преподавателями и своими товарищами, передвигающимися таким же способом. Не все мы обладаем такой ловкостью, но нет ничего необычного в том, что наше сознание способно одновременно ощущать текущую ситуацию вокруг и сохранять долгосрочное ощущение направления. Мы живем с этими противоположностями каждый день.

Психолог Даниэль Канеман объясняет эту способность тем, что мы неосознанно используем мышление двух типов. «Быстрое» мышление интуитивно, импульсивно и зачастую эмоционально. Оно обеспечивает при необходимости мгновенное действие: благодаря ему мы не налетаем на предметы или не даем им налететь на нас. «Медленное» мышление осознанно, целенаправленно и, как правило, имеет логический характер. Оно не обязательно должно завершаться действием: это тот способ, которым мы постигаем явления. Тетлок усматривает аналогию этого различия в человеческом геноме и объясняет ее на примере зверушек Берлина:

«Лисы» оказались лучше приспособлены к выживанию в быстро меняющихся условиях, где преимущество получают те, кто быстро отказывается от плохих идей. «Ежи» оказались лучше приспособлены к выживанию в статичных условиях, где преимущество дает упорство в следовании однажды найденным верным формулам. Наш вид – *homo sapiens* – преуспел благодаря владению обеими моделями поведения³⁶.

³⁶ Tetlock, *Expert Political Judgment*, p. 214–215; Daniel Kahneman, *Thinking*,

Таким образом, мы обязаны своим существованием тому, что живы до сих пор, той скорости, с которой мы способны переключаться между быстрым и медленным мышлением – между поведением «лис» и поведением «ежей». Ведь если бы мы никогда не ушли дальше мнения о самих себе как о чем-то большом и целом, мы оказались бы даже не в болоте, о котором говорил Линкольн, а в битумных озерах вместе с мамонтами.

Но почему же такая гибкость не свойственна властителям? Почему на дальнем конце истории Ксеркс и Артабан так плохо понимали ее необходимость? Почему на ее ближнем конце эксперты Тетлока с такой готовностью относили себя *либо* к «лисам», *либо* к «ежам», но не к тем и другим одновременно? И почему мы считаем правление Линкольна выдающимся, если все, что он делал, обычные люди делают каждый день? Здравый смысл в этом отношении подобен кислороду: чем выше, тем его меньше. «С большой силой приходит большая ответственность», – напомнил Человеку-пауку дядя Бен в известной сцене,³⁷ – но также и опас-

Fast and Slow (New York: Farrar, Strauss and Giroux, 2011), p. 20–21, а также его замечания о Тетлоке на p. 218–220; Даниэль Канеман, *Думай медленно... решай быстро* (Москва: АСТ, 2014), с. 30–31, 287–289.

³⁷ Эта фраза более всего известна по фильму «Человек-паук» (2002), но она появлялась в разных вариациях и в других фильмах и комиксах этой франшизы. Любопытно, что очень близкая к ней фраза должна была прозвучать в застольной речи Франклина Рузвельта по случаю дня рождения Джефферсона 13 апреля 1945 года, но ему так и не довелось ее произнести (<http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=16602>).

ность совершения глупостей.

Х

Их и должна предотвращать *большая стратегия*. Я определю этот термин в контексте данной книги как соотношение потенциально бесконечных устремлений с неизбежно ограниченными возможностями. Если вы ставите перед собой цели, которых нельзя достичь имеющимися у вас средствами, то рано или поздно вам придется ограничить масштаб ваших целей, чтобы они соответствовали вашим средствам. Расширение возможностей может помочь вам достичь большего числа целей, но не всех, поскольку цели могут быть бесконечными, средства же – никогда. Как бы вы ни провели эту линию, всегда останется какая-то связь между реальным и воображаемым (тем местом, где вы находитесь сейчас, и тем местом, куда вы хотите попасть). У вас нет стратегии, пока вы не соединили эти точки – как бы они ни различались – применительно к той конкретной ситуации, в которой вы действуете.

В какой же момент оказывается необходимым прилагательное «большая»? Это, на мой взгляд, связано с тем, что поставлено на карту. В вашей студенческой жизни не произойдет фундаментальных перемен, если вы поспите завтра утром на двадцать минут больше, а расплатой за это станет холодный сэндвич по пути на лекцию вместо горячего зав-

трака. Однако ставки возрастают, если учесть, чему вы учитесь на этих занятиях, как это связано с другими учебными предметами, какую вы выберете специализацию и какую затем получите степень, как вы можете использовать это в профессии и в кого вы можете влюбиться в процессе. Стратегии становятся крупнее, даже не выходя за пределы субъективного восприятия. Неверно говорить поэтому, что большая стратегия может быть у государства, но таковой не может быть у отдельного человека. Соотнесение обязательно не только во времени и пространстве, но *и* в масштабе.

И все же понятие «большой стратегии» традиционно ассоциируется с планированием и ведением войн. Это не удивительно, учитывая тот факт, что первые *описания* отношений устремлений и возможностей появились в связи с необходимостью проведения военных операций. «Помыслим, какое из дел сих последствие будет? – наставляет ахейцев мудрый Нестор у Гомера в критический момент затянувшейся осады Трои. – Может быть разум поможет»³⁸. Но необходимость такого соотнесения восходит к гораздо более древнему прошлому – вероятно, к первому предку человека, прикидывающему, как заполучить желаемое при помощи имеющихся у него средств³⁹.

³⁸ Homer, *The Iliad*, translated by Robert Fagles (New York: Penguin, 1990), p. 371; Гомер, *Илиада*, перевод Н. И. Гнедича (Санкт-Петербург: Наука, 2008), с. 196. Разумеется, Гомер все «описывал» в собственной памяти, поскольку греки в его эпоху разучились писать.

³⁹ Этой мыслью я обязан моему бывшему студенту Кристоферу Хоуэллу, кото-

Если не считать жизни после смерти, то наиболее общим устремлением людей всегда было, безусловно, сохранение жизни. Все прочие задачи – от простых (поиск пропитания, крова и одежды) до самых сложных (управление великими империями) – требовали применения все более сложных стратегий. Определить, что является успехом, всегда было трудно, но здесь помогала сама ограниченность средств. Дело в том, что, хотя удовлетворение – это в конечном счете состояние сознания, для его достижения нужно потратить реальные ресурсы – именно поэтому всегда возникала необходимость соотношения целей и средств, а значит, и стратегии.

XI

Так возможно ли научить большой стратегии или по крайней мере здравому смыслу, на котором она держится? Если Линкольн, формальное образование которого было меньше, чем у любого другого президента США, узнал все, что ему было нужно, из книг, которые подбирал сам, и из осмысления собственного опыта, то разве мы не можем поступать так же?⁴⁰ Ответ прост: Линкольн был гений, а большинство из

рый развил ее в своей курсовой работе 2013 года, написанной в Йельском университете: Christopher R. Howell, “The Story of Grand Strategy: The History of an Idea and the Source of its Confusion”, p. 2. См. также: Freedman, *Strategy*, p. 3–7; Фридман, *Стратегия*, с. 15–19.

⁴⁰ О прочитанных им книгах см.: Cawardine, *Lincoln*, p. 4–10; Fred Kaplan, *Lincoln: The Biography of a Writer* (New York: HarperCollins, 2008). Среди других

нас – нет. Шекспира, судя по всему, никто не учил писать. Значит ли это, что учителя не нужны вообще?

Важно помнить еще и о том, что у Линкольна – как и у Шекспира – была целая жизнь на то, чтобы стать теми, кем они стали. У сегодняшних молодых людей нет этого времени: сегодня общество жестко разделяет этапы получения общего образования, профессиональной подготовки, карьеры в организации, управленческой работы в ней и жизни на пенсии. Это усугубляет проблему, на которую уже давно указывал Генри Киссинджер: «интеллектуальный капитал», накопленный лидерами прежде, чем они достигнут вершины, – это все, на что они могут опереться, будучи на вершине⁴¹. Теперь у людей меньше времени для освоения нового, чем было у Линкольна.

Получается, что именно высшая школа должна воспитывать умы студентов, пока она владеет их вниманием. Но и в академических кругах нет единства. Образовался разрыв между изучением истории и построением теории, хотя для соотнесения целей со средствами нужно и то и другое. Историки, понимая, что в их науке наиболее плодотворны исследования в специальных областях, обычно избегают обобщений, без которых не бывает теории: тем самым они лишают себя способов упрощения своей сложной материи, которые

подобных президентов-самоучек можно назвать только Закари Тейлора и Эндрю Джонсона.

⁴¹ Henry Kissinger, *White House Years* (Boston: Little, Brown, 1979), p. 54; Генри Киссинджер, *Годы в Белом доме*, т. 1 (Москва: АСТ, 2020), с. 69.

позволяют нам ориентироваться в ней. Теоретики, которым хочется, чтобы их воспринимали как «ученых», исследующих общество методами точных наук, стремятся к «воспроизводимости» результатов: это приводит к упрощению сложных вещей ради предсказуемости. Оба этих лагеря не учитывают *взаимосвязи* между общим и частным – между универсальным и локальным знанием – составляющие основу стратегического мышления. Кроме того, представители обеих групп слишком часто плохо пишут, усугубляя недостатки метода невняtnостью изложения⁴².

Есть, однако, и более старый способ, посредством которого история и теория действовали сообща. Макиавелли намекает на него в письме-посвящении к своему произведению «Государь». Превыше всего, пишет он, я ценю «познания мои в том, что касается деяний великих людей, приобретенные мною многолетним опытом в делах настоящих и непрерывным изучением дел минувших». Он изложил их квинтэссенцию в «небольшой книжке», которая позволила бы «[его светлости Лоренцо Медичи] за ничтожное время

⁴² См.: Michael Billig, *Learn to Write Badly: How to Succeed in the Social Sciences* (New York: Cambridge University Press, 2013). О связях между историей и теорией я более подробно написал в книге: John Lewis Gaddis, *The Landscape of History: How Historians Map the Past* (New York: Oxford University Press, 2002). Джеймс Скотт рассуждает о различии между универсальным и локальным знанием в своей книге: James C. Scott, *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed* (New Haven: Yale University Press, 1998); Джеймс Скотт, *Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни* (Москва: Университетская книга, 2005).

усвоить все выношенное мной [Макиавелли] на протяжении долгих лет среди стольких скорбей и опасностей»⁴³.

Карл фон Клаузевиц развивает метод Макиавелли более полно в своем монументальном, хотя и незавершенном, классическом труде «О войне»⁴⁴. Сама по себе история, пишет он, представляет собой лишь долгую череду рассказов. Это не означает, что они бесполезны, поскольку теория, понимаемая как самая суть дела, избавляет вас от необходимости выслушивать их все снова. Для этого нет времени, когда вы готовитесь к битве или начинаете любое другое рискованное предприятие. Но вы не можете и просто бродить кругом, как Пьер у Толстого на Бородинском поле. Поэтому-то и нужно *обучение*.

Хорошо обученный солдат, безусловно, будет действовать эффективнее, чем совсем не подготовленный, но что есть «обучение» в понимании Клаузевица? Это способность пользоваться принципами, применявшимися в разное время и в разных местах, позволяющая вам понимать, что было и что не было действенно в прошлом. Затем вы применяете их к имеющейся ситуации, и здесь уже идет речь о масшта-

⁴³ Niccolò Machiavelli, *The Prince*, translated by Harvey C. Mansfield, second edition (Chicago: University of Chicago Press, 1998), p. 3–4; Никколо Макиавелли, «Государь», в: Никколо Макиавелли, *Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь*, перевод М. А. Юсима (Москва: РОССПЭН, 2002), с. 357.

⁴⁴ Стандартное издание: Carl von Clausewitz, *On War*, edited and translated by Michael Howard and Peter Paret (Princeton: Princeton University Press, 1976). Карл Клаузевиц, *О войне* (Москва: Государственное военное издательство, 1934).

бе. В результате вы имеете *план*, опирающийся на прошлое, привязанный к настоящему и направленный на достижение некоторой цели в будущем.

Сражение, однако, не развивается по плану во всех отношениях. Его результат будет зависеть не только от действий другой стороны – от «известных неизвестных», согласно знаменитой фразе бывшего министра обороны США Дональда Рамсфелда⁴⁵ – но и от «неизвестных неизвестных», то есть всего того, что может пойти не так еще до вашей встречи с противником. Все вместе эти факторы составляют то, что Клаузевиц называл «трением» – столкновение теории с реальностью, о котором много веков назад Артабан пытался предупредить Ксеркса у Геллеспонта.

Поэтому единственное решение состоит в импровизации, но это означает не просто придумывать решения на ходу. Возможно, вы будете придерживаться плана, возможно, вы его измените, а может быть, и полностью отвергнете. Но, каковы бы ни были неизвестные, отделяющие вас от цели, вы, подобно Линкольну, будете знать свой азимут. В вашей памяти будет целый арсенал вариантов действий, известных вам, говоря словами Макиавелли, благодаря опыту, приобретенному весьма дорогой ценой теми, кто жил до вас. Остальное зависит от вас.

⁴⁵ Donald Rumsfeld, *Known and Unknown: A Memoir* (New York: Penguin, 2011), p. xiii – xiv.

ХII

Суда, пересекающие Геллеспонт в наши дни, все еще соединяют поля сражений, как когда-то мосты Ксеркса: чуть южнее по азиатскому берегу находится Троя, а на европейском берегу, даже ближе – Галлиполи. Но сегодня это паромы, а перевозимые ими армии – туристы, пользующиеся тем, что поля сражений, разделяемые тридцатью веками, находятся лишь в пятидесяти километрах друг от друга. У них даже остается время для осмотра Троянского коня в Чанаккале – не подлинного, конечно, а элемента реквизита, оставшегося после съемок фильма 2004 года с участием Брэда Питта.

Открывающиеся им виды не так величественны, как зрелище, которое наблюдал Ксеркс со своего возвышения в 480 году до н. э., но позволяют сделать важный вывод: сегодня опыт реальных сражений приобрести сложнее, чем даже в недавнем прошлом. Чем бы это ни объяснялось: страхом того, что мировая война может уничтожить всех участников, возвращением малых войн, в которых ведущие их страны участвуют не так тотально, как раньше, или простым везением – сегодня на полях сражений оказывается меньше людей, чем в прошлом. Им на смену приходят туристы.

Но идея обучения, развитая Клаузевицем, сохраняет всю свою актуальность. Это лучшая защита от нарастания глупо-

сти стратегий с нарастанием масштаба задач: проблемы, которая возможна как в мирное, так и в военное время. Единственный способ совмещать *явные* противоположности планирования и импровизации – это учить здравому смыслу и умению понимать, когда следует быть «ежом», а когда «лисой». Где же, если не в армии или (лишь частично) в высшей школе или в профессиональной жизни после нее, сегодняшние молодые люди могут получить такое образование?

«Битва при Ватерлоо была выиграна на спортивных площадках Итона», не сказал, но определенно должен был бы сказать герцог Веллингтон, этот главный источник афоризмов Викторианской эпохи⁴⁶. Ведь помимо войны и подготовки к ней именно в соревновательном спорте наиболее характерным образом проявляется это сочетание квинтэссенции прошлого, планируемого настоящего и неопределенного будущего, о которых писал Клаузевиц. В наши дни, когда мода на подтянутость и спортивную форму намного выше, чем в эпоху выдающегося герцога, игровыми видами спорта занимается больше людей, чем когда бы то ни было. Но что вам это дает и какое отношение это имеет к большой стратегии?

Дело в том, что вы учитесь игре с помощью тренера, который занимается тем же «обучением», какое проводили сержанты «учебки» во времена обязательной военной службы: он объясняет вам принципы игры, развивает выносли-

⁴⁶ История этой знаменитой псевдоцитаты изложена в книге: Elizabeth Longford, *Wellington* (London: Abacus, 2001), p. 16–17. Глава 2

вость, следит за дисциплиной, учит взаимодействовать в игре, проигрывать и восстанавливаться после проигрыша. Но, как только игра началась, ваш тренер может только кричать или хмуриться, находясь в стороне. Вы и ваши товарищи по команде предоставлены самим себе. И все же вы добьетесь большего, если у вас был тренер: не случайно зарплаты тренеров в некоторых американских университетах превышают зарплаты ректоров, которые их нанимают.

Но означает ли что-либо из сказанного выше, что в игре вы были либо «ежом», либо «лисой»? Вероятно, вы сочли бы этот вопрос глупым, поскольку вы были и тем и другим: у вас был план, подобающий «ежу», вы корректировали его ситуативно, как подобает «лисе», и выиграли или проиграли в зависимости от того, насколько он сработал. Оглядываясь назад, вам трудно было бы сказать, в какой момент вы были «ежом», а в какой – «лисой». Действуя, вы удерживали в уме противоположные идеи.

В большинстве жизненных ситуаций все происходит почти так же, и мы делаем этот выбор инстинктивно или почти инстинктивно. Но с ростом наших полномочий и влияния на людей мы больше задумываемся о собственных действиях. Когда за вами наблюдает много людей, действие становится публичным действием. Теперь уже важна репутация, а это ограничивает свободу действий. Лидеры, добравшиеся до вершины – как Ксеркс или эксперты Тетлока – могут становиться пленниками собственного превосходства, ока-

зываясь запертыми в границах роли, из которой уже не могут выйти.

Таким образом, эта книга о «Геллеспонтах сознания», пролегающих между таким лидерством и здравым смыслом. Между этими двумя берегами необходимы свободно проходимые и частые мостики, ибо только свободное движение между ними делает возможной большую стратегию: правильную увязку целей и средств. Но течения быстры, ветра переменчивы, а мосты – хрупки. И хотя сегодня нам уже не нужно запугивать или задабривать море, как это делал Ксеркс, но, изучая то, как многие после него справлялись с этими противоречиями логики и лидерства, мы, наверное, можем лучше подготовить себя к переходу тех «Геллеспонтов», которые рано или поздно встретятся на нашем пути.

Глава 2

Длинные стены

С высоты они могли бы показаться гигантской костью, которую какой-нибудь сытый бог, сидящий намного севернее, на Олимпе, чисто обглодал и лениво швырнул через всю южную Аттику. Один ее конец, похожий на сустав, опирался на скалистый утес, другой доходил практически до моря. Ее длина была около десяти километров, но из-за утолщений на каждом конце ее периметр достигал двадцати семи километров. Утолщения соединяла невероятно тонкая косточка в шесть с половиной километров длиной: поставленная вертикально, такая структура сломалась бы под собственным весом. Но такое никому не пришло бы в голову, потому что это были стены – самые длинные из когда-либо окружавших *два* города⁴⁷.

В Афинах, лежащих на их северо-восточном конце, к моменту окончания их строительства в 457 году до н. э. жило порядка двухсот тысяч человек. В Пирее, на юго-западном конце, жителей было меньше, а места больше: для Афин это был порт средиземноморской торговли, а также строительная, ремонтная и провиантская база их военного флота,

⁴⁷ Victor Davis Hanson, *A War Like No Other: How the Athenians and Spartans Fought the Peloponnesian War* (New York: Random House, 2005), p. 66.

«деревянные стены» которого принесли победу при Саламине двадцать три года тому назад. Уже много лет после того, как Афины утратили свое завоеванное тогда первенство, историк Плутарх увидел в зданиях и общественных пространствах города «цвет новизны», как будто «эти произведения проникнуты дыханием вечной юности, имеют нестареющую душу». Надо всем этим царил перестроенный Акрополь – все еще со следами пожара, устроенного персами, – возвышающийся на своем утесе, где он стоит и сегодня, пережив с тех пор множество других бед и злоключений.

Стены, соединявшие Афины и Пирей, отстояли друг от друга примерно на тридцать метров: достаточно широко, чтобы вместить двусторонний поток людей, животных, повозок, товаров и ценностей, и достаточно узко, чтобы их можно было оборонять. Это были внушительные стены – примерно полтора метра в толщину и семь с половиной в высоту – но они странным образом не вязались с теми грациозными постройками, на страже которых стояли. Камни торчали в растворе вкривь и вкось. Наружу выступали сломанные колонны и куски надгробных плит. Официальным объяснением было увековечение памяти: все это должно было напоминать о бесчинствах Ксеркса всякому, кто шел мимо этих стен: ему о них напоминали его предки⁴⁸.

⁴⁸ Мое описание афинских стен в основном заимствовано у Фукидида; я пользовался следующим изданием: Robert B. Strassler, ed., *The Landmark Thucydides: A Comprehensive Guide to the Peloponnesian War*, a revised version of the Richard Crawley translation (New York: Simon and Schuster, 1996), 1:89–93; Фукидид, *Ис-*

Ксеркс, пересекая Геллеспонт, взял с собой все, кроме большой стратегии: ведь если его устремления *были* его возможностями, зачем заботиться о соответствии одного другому? Он узнал, что такое нехватка необходимого только после того, как его научили этому суша, море, ненастье и греки со своим оракулом. Считая все свои карты сильными, он не приберег ни одной из них про запас, и когда проиграла одна, остальные постигла та же участь. В итоге он потерял, по сегодняшним расчетам, более девятисот трирем и четверть миллиона человек⁴⁹.

Греки же, напротив, знали одну лишь нужду. В отличие от персов, империя которых простиралась от Эгейского моря до Индии, они занимали небольшой скалистый полуостров, на котором ресурсы были разбросаны крайне неравномерно,

тория (Ленинград: Наука, 1981), 1:89–93 [далее – Thucydides/Фукидид, с указанием номеров книги и абзаца, стандартных во всех изданиях]. См. также: Brent L. Sterling, *Do Good Fences Make Good Neighbors? What History Teaches Us About Strategic Barriers and International Security* (Washington, D. C.: Georgetown University Press, 2009), p. 15–16; и David L. Berkey, “Why Fortifications Endure: A Case Study of the Walls of Athens During the Classical Period,” in Victor Davis Hanson, ed., *Makers of Ancient Strategy: From the Persian Wars to the Fall of Rome* (Princeton: Princeton University Press, 2010), p. 60–63. Комментарии Плутарха взяты из: Plutarch, *Lives of the Noble Grecians and Romans*, translated by John Dryden (New York: Modern Library, 1992), p. 191–193; Плутарх, *Сравнительные жизнеописания в 3-х т.*, т. 1, перевод С. П. Маркиша (Москва: Издательство АН СССР, 1961), с. 206.

⁴⁹ Victor Davis Hanson, *The Savior Generals: How Five Great Commanders Saved Wars That Were Lost – from Ancient Greece to Iraq* (New York: Bloomsbury Press, 2013), p. 33–34.

а управлять людьми было очень сложно. Большие и малые города должны были защищаться сами: никакой царь царей не мог сделать это за них. Существовали союзы и даже колонии, но обязательства были расплывчаты, а лояльность никогда не была чем-то постоянным. Это делало Грецию ареной всевозможного соперничества, а потому и полем применения самых разных стратегий⁵⁰. После войны с Ксерксом две из них приобрели особое значение. Они различались во всех аспектах – за исключением того, что нужда требовала специализации.

I

Спартанцы, которые сражались при Фермопилах до последнего бойца, издавна были воинами. Их родиной был Пелопоннес, но они были привязаны к нему не так, как бывают привязаны аграрии: сельским хозяйством занимались рабы (*илоты*); стратегия спартанцев состояла в том, чтобы сделать свою армию лучшей в Греции. Не имея никакой другой цели, они не оставили после себя даже приличных руин. Как профессиональные военные они непрерывно тренировались, чтобы редко вступать в бой. Битву при Марафоне в 490 году до н. э. они просто пропустили, потому что отмечали праздник луны. Но ярость спартанцев в бою, когда они по-настоя-

⁵⁰ Donald Kagan, *Pericles of Athens and the Birth of Democracy* (New York: Free Press, 1991), p. 4–5.

щему выходили из себя (как при вторжении Ксеркса), с лихвой компенсировала их численность. Вот почему, несмотря на Фермопилы, Афины доверили им свою оборону на суше. Когда и она была прорвана, сообщает нам Фукидид, афиняне «со всем своим добром... сели на корабли и стали мореходами»⁵¹.

Они были мореходами и раньше, и их торговые корабли ходили от Атлантического океана до Черного моря. Афиняне также разбогатели на доходах от зависимых территорий и их платежах за военную помощь, а также от добычи серебра в близлежащем районе Аттики. Это дало им возможность построить флот, который базировался на Саламине. Но деревянных стен на море Фемистоклу оказалось мало: он хотел воздвигнуть огромные стены на суше. Окружив Афины и Пирей, они превратили бы эти города в остров – неприступный для нападения с суши, получающий все необходимое с моря, готовый пустить в дело флот, столь же грозный, как и войско спартанцев⁵².

Таким образом, спартанцы и афиняне стали тиграми и акулами: каждый вид господствовал в своей «зоне обитания»⁵³. В этот момент здравый смысл явно подсказывал идею

⁵¹ Фукидид, 1:18. Кроме того, см.: Фукидид, 1:10; и Геродот, 6:107–108.

⁵² Hanson, *The Savior Generals*, p. 18–22, 29.

⁵³ Этот образ чаще использовался для характеристики сравнительного положения Франции и Великобритании после битв при Аустерлице и Трафальгаре (обе битвы произошли в 1805 г.). Слова Перикла о двух этих стратегиях приводятся в книге: Фукидид, 1:143.

сотрудничества: серьезная и зримая персидская угроза продолжала существовать. Вместо этого произошло нечто, не имевшее никакого смысла. Греки украсили спасенную ими цивилизацию незабываемыми творениями – а затем разрушили ее почти до основания⁵⁴.

II

Пелопоннесская война, которая шла между Афинами, Спартой и их союзниками с 431 по 404 год до н. э., имела одну общую черту со значительно более краткой войной между греками и персами: у каждой из них был свой великий летописец. Фукидид, однако, предупреждал своих читателей, что он не Геродот. В своей истории он воздержится от красот, грешащих против истины. Он писал, что из-за «отсутствия в нем всего баснословного», возможно, его исследование «покажется малопривлекательным», однако он надеется, что его труд будет тем же, что Плутарх увидел в остатках Афин: неподвластным времени творением, «достоянием навеки». Будет достаточно, писал Фукидид, если его историю сочтут полезной те, кто захочет *«исследовать достоверность прошлых и возможность будущих событий (могущих когда-нибудь повториться по свойству человеческой приро-*

⁵⁴ Поразительные количественные данные о масштабах этого разрушения см. в: Hanson, *The Savior Generals*, p. 10–12.

ды в том же или сходном виде)»⁵⁵.

Прошлое и будущее у Фукидида не более равны друг другу, чем возможности и устремления в стратегии; но между ними есть связь. О прошлом мы можем узнать только из ненадежных источников, в том числе из наших собственных воспоминаний. Будущего мы не можем знать вообще; мы знаем лишь, что оно возникнет в прошлом, но затем отделится от него. Различие, которое Фукидид проводит между сходством и отражением – между *моделями*, переживающими время, и *точными отражениями*, выцветающими из-за времени, – выравнивает асимметрию, поскольку предполагает, что прошлое готовит нас к будущему только тогда, когда оно переходит в будущее, пусть и сильно изменяясь при этом. Точно так же, как возможности ограничивают устремления обстоятельствами.

Знать один главный секрет или много неглавных, таким образом, недостаточно: «сходство», которое, как настаивает Фукидид, *должно* случаться, может возникать по всей ширине нашего «спектра» от «ежей» до «лис» и обратно. А кто же он сам, «еж» или «лиса»? Такой вопрос столь же бесполезно задавать, как состоявшемуся спортсмену пытаться на него ответить. «Первоклассный ум» Фукидида с такой легкостью вмещает противоположные идеи, что в своей истории он рассказывает нам их сотнями. Он делает это через время и пространство, при этом еще и меняя масштаб: мне ка-

⁵⁵ Фукидид, 1:21–22. Курсив мой. – Д. Л. Г.

жется, только Толстой может соперничать с ним в способности почувствовать значимость в вещах, казалось бы, незначимых.

Поэтому не будет преувеличением сказать, что Фукидид *тренирует ум* всякого, кто его читает. Ведь, как мягко напомнил нам крупнейший из его современных толкователей (который одно время и сам был тренером), греки, несмотря на их древность, «могли считать действительным то, что мы или забыли, или никогда не знали; и мы всегда должны допускать, что по крайней мере в некоторых отношениях они были мудрее нас»⁵⁶.

III

У спартанцев никогда не было стены: чтобы держать врагов на расстоянии, они полагались только на свое воинское мастерство. Услышав о том, что Фемистокл планирует построить стену, они попытались убедить афинян, что это нужно запретить делать всем городам: такой запрет способствовал бы установлению единства греков, в то же время лишая персов возможности воспользоваться такими укреплениями после любого вторжения в будущем. Но настоящей целью спартанцев было, как утверждает Фукидид, ограничить мор-

⁵⁶ Kagan, *Pericles*, p. 10. Профессор Кейган говорит об «афинянах», но, думаю, он не будет возражать против моего распространения его высказывания на всех греков.

скую мощь Афин, которая показала себя столь действенной при Саламине. Без таких стен Афины и их порт будут более уязвимыми, и эта цель будет достигнута.

Фемистокл уговорил афинян *сделать вид*, будто они приветствуют предложение Спарты, и даже послать его к ним для переговоров. Тем временем афиняне начали в срочном порядке возводить стены. Работали все: мужчины, женщины и дети; в ход шло все, что попадалось под руку, и использование лома при строительстве объясняется не только мемориальными соображениями, но и просто спешкой. Когда спартанцы удивлялись, почему так долго длятся переговоры, Фемистокл говорил, что ждет прибытия других афинян, которые задерживаются по непонятным причинам. Наконец они прибыли – но одновременно до спартанцев уже дошли и сведения о том, что на самом деле замыслили афиняне. Фемистокл заявил спартанцам, которые начали что-то подозревать, что если их что-то смущает, им следует послать своих людей в Афины, чтобы те убедились во всем сами. Одновременно он дал афинянам тайное поручение удерживать спартанских гостей до тех пор, пока стены не будут почти готовы.

Наконец, узнав, что момент настал, Фемистокл оставил уловки: Афины, объявил он, имеют теперь достаточно крепкие стены, чтобы защитить себя. Во всех дальнейших переговорах уже предполагалось право афинян решать, в чем состоят и их собственные интересы, *и* интересы остальных греков. Спартанцы не выказали гнева; впрочем, отмечает Фу-

кидид, «втайне лакедемоняне очень досадовали, что им не удалось достичь своей цели»⁵⁷. Их обвели вокруг пальца – или, точнее, вокруг стены.

IV

Все это происходило в 479–478 годах до н. э., за четыре с половиной десятилетия до того, как разразилась Пелопоннесская война. Здесь Фукидид дает ретроспективу, необычную для его исторического повествования. Он хочет, чтобы мы увидели связь, пусть и отдаленную, между великой войной и почти комическим контрастом невозмутимости спартанцев и хитрости афинян: у малых событий могут быть большие следствия. Нельзя сказать, что обратного пути не было. Идти вперед, однако, нужно было осторожно, поскольку каждый шаг в отношениях между Афинами и Спартой теперь имел неоднозначный смысл.

То же строительство стен: было ли оно актом *защиты* или *нападения*? Афиняне хотели защитить стенами свой «остров» – базу, с которой, благодаря торговым связям и военно-морской мощи, они правили бы морями вблизи Греции и намного дальше. Спартанцы видели безопасность в отказе от стен, но лишь потому, что их войско было – и, как они рассчитывали, должно было остаться – сильнейшим в Греции.

⁵⁷ Фукидид, 1:89–92. См. также: Plutarch, *Lives of the Noble Grecians and Romans*, p. 145; Плутарх, *Сравнительные жизнеописания*, т. 1, с. 158.

Но как раз по этой причине афиняне прежде всего и считали, что им нужны стены. Категории слишком «категоричны».

Однако как спартанцы, так и афиняне действовали *стратегически*, соизмеряя устремления с возможностями. И те и другие стремились к безопасности, но каждый своим путем, ни те ни другие не имели возможности одновременно быть *и* тиграми, *и* акулами. Сотрудничество, в теории, могло защитить их от всех будущих опасностей – как на море, так и на суше. Но оно требовало большего доверия – качества, имеющего поразительно неглубокие корни в характере всех греков.

Перехитрив спартанцев, Фемистокл с триумфом вернулся в Афины, как после битвы при Саламине. Но со временем энтузиазм поостыл: к 470 году до н. э. афинское народное собрание, которое боялось успехов своих лидеров не меньше, чем вознаграждало их, воспользовалось своим правом подвергать неугодных граждан ostracism и отправило его в изгнание. В конце концов организатор победы над персами, все еще полный всевозможных идей, провел остаток своих дней на службе у тех же самых персов. Так Ксеркс, недавно убитый заговорщиками, как бы его ни изображал Эсхил, оказался в некотором роде отомщен⁵⁸.

⁵⁸ Hanson, *The Savior Generals*, p. 34–36.

V

Одним из организаторов постановки «Персов» был Перикл, афинский аристократ, в честь которого была названа следующая эпоха. Снисходительность и скромность сочетались в нем с умением привлекать на свою сторону людей; при этом он также был покровителем искусств, умелым полководцем, опытным дипломатом, прекрасным экономистом, автором оригинальных конституционных идей, переживших его время, одним из самых блестящих ораторов Афин и человеком, давшим городу тот облик, в котором он дошел до нас, и правившим им и его империей более четверти века⁵⁹. Однако именно Перикл сделал больше кого бы то ни было еще для развязывания Пелопоннесской войны – этого непреднамеренного результата создания культуры, поддерживающей стратегию.

Спартанцам не нужна была новая культура, поскольку после греко-персидских войн их старая культура в целом не изменилась. Культура же афинян преобразилась полностью. Они доказали свое умение воевать на суше, одержав победу над персами (без спартанцев) при Марафоне в 490 году до н. э., а также (с помощью спартанцев) при Платеях

⁵⁹ Классическое жизнеописание Перикла принадлежит Плутарху: Plutarch, *Lives of the Noble Grecians and Romans*, p. 182–212; Плутарх, *Сравнительные жизнеописания*, т. 1, с. 196–224, а лучшая его современная биография – Кейгану.

в 479 году до н. э. Но «остров» Фемистокла означал отказ от дальнейшего развития этого умения: он боялся, что Афины никогда не смогут противостоять войску спартанцев⁶⁰. К середине 450-х годов до н. э. Перикл, который был с этим согласен, достроил стены вокруг Афин и Пирея, что позволяло полностью опираться на морскую мощь в любой будущей войне. Новая стратегия была вполне разумной, но она сделала из афинян, по наблюдению Фукидида, другой народ.

Афины традиционно жили сельским хозяйством: в мирное время поля и виноградники местных земледельцев снабжали город продовольствием, а в военное время они пополняли собой ряды афинской пехоты и кавалерии. Теперь же их хозяйства уже никто не собирался защищать; роль их самих в войне также упала. В случае нападения спартанцев они должны были толпами бежать в город, укрываться за его стенами и наблюдать с этих стен за уничтожением своих имений, посевов и оливковых деревьев. Перикл, который и сам был землевладельцем, обещал сжечь собственное хозяйство, чтобы доказать свою решимость стоять до конца. Он считал, что в конце концов спартанцы, обеспокоенные тем, что в их собственных поместьях остались ненадежные *илоты*, бросят все и уйдут восвояси, но вовсе не благодаря усилиям тех, на ком раньше держалась стабильность афинского общества. Между тем корабли, базирующиеся в пирейском порту, будут поддерживать Афины благодаря сообщению с их замор-

⁶⁰ Hanson, *The Savior Generals*, p. 18.

скими территориями и совершать набеги на незащищенные берега Спарты, ускоряя уход спартанцев⁶¹.

Но содержание торгового и военного флота требовало немалых расходов. Чтобы сражаться на суше, афинскому гоплиту нужен был лишь меч, щит, шлем, минимум доспехов и абсолютная уверенность в воюющем рядом с ним товарище, поскольку греческие фаланги перемещались как единое целое: импровизация неизбежно оканчивалась катастрофой. Для флота же требовались портовые сооружения, корабли, паруса и ряды гребцов, готовых сидеть в смрадной трюмной воде (триремы редко останавливались для того, чтобы люди могли справиться нужду), не имеющих возможности следить за ходом битвы и отправлявшихся на дно при ее неудачном исходе. Их должна была вдохновлять не только память о собственных хозяйствах (которых, впрочем, у большинства из них никогда не было) и принуждать к действию не только муштра (от которой было мало толку в зловонных скользких тесных помещениях)⁶²

⁶¹ Hanson, *A War Like No Other*, p. 38–45. О предложении Перикла см.: Фукидид, 2:13, p. 98.

⁶² Hanson, *A War Like No Other*, p. 236–39, 246–47; Kagan, *Pericles*, p. 66. Более широкий контекст дается в книге John R. Hale, *Lords of the Sea: The Epic Story of the Athenian Navy and the Birth of Democracy* (New York: Penguin, 2009).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.